

ГЛАВА I

УЧЕБКА

Пришло время моего призыва в армию. В то время многие из моих сверстников любыми путями стремились уклониться от призыва. Таких путей были десятки, если не сотни; каждый выбирал подходящий ему путь и начинал «косить» от армии.

Это не соответствовало моим убеждениям. Я хотел быть солдатом, но не знал, что ждёт меня впереди.

В то время была в разгаре война в Афганистане. Тысячи гробов рассылались по всей стране. Их страшный чёрный путь по огромному Советскому Союзу сопровождался скорбью, горем и слезами людей. Людские потери в войне казались мизерными по сравнению с многочисленным населением огромной империи – СССР, тем более, что было много союзных республик, которые исправно поставляли человеческий «материал» – призывников. По-другому сказать невозможно, ведь именно «материалом» был советский человек для партии и правительства и, в конечном счёте, для советской армии.

В Советском Союзе не привыкли жалеть людей, особенно когда появлялась срочная необходимость в пушечном мясе. Солдат в Советском Союзе ценился дешевле одного патрона или снаряда, не говоря уже о самолёте или танке.

Высокие слова о гордости государства – советском человеке были красивой маской, ширмой для обмана и одурманивания простых людей. При декларируемой в СССР надежде на скорое изобилие, нищета народа преподносилась как временные трудности.

Советская армия была страшна для всего мира своими ракетами, но выучка солдат была почти нулевая, потому что при советской власти человек для неё ничего не стоил. Власть Советов всегда любила, не скупясь, проливать чужую кровь, особенно кровь советских людей. Для этой власти человек, особенно солдат, всегда был пустым местом.

Я, как говорится, на своей шкуре испытал любовь государства к солдату. За красивыми праздничными лозунгами скрывалось истинное лицо этого государства – лицо безжалостного «вампира».

Политика насаждения идеологии режима была гораздо важнее

крови собственного народа.

Шла тяжёлая война в Афганистане. Там армия буквально захлёбывалась от крови своих солдат. Недавние школьники столкнулись в армии с хорошо обученными и хорошо вооружёнными взрослыми профессионалами. Немаловажно, что эти люди, которых называли афганцами, сражались за свою Родину, свою страну, какая бы эта страна ни была.

Мы пришли в Афганистан с красивыми лозунгами о счастье и процветании народа, но на самом деле оказались врагами этого народа. Как я потом понял, гусеницами танков нельзя принести свободу другому народу. А тогда, в начале моего военного пути, я по-настоящему верил в комсомол и его «старшего брата» – партию.

Мои глаза не видели, а мозг мой не воспринимал тогда настоящих трудностей. Я ещё не прошёл испытаний, после которых человек меняется навсегда. И вот настало время и мне, как тогда говорилось, отдать свой «долг» Родине. Хотя трудно понять, о каком долге может идти речь, ведь власть всегда держала свой народ в нищете.

Мне исполнилось восемнадцать лет, это возраст призыва на срочную военную службу. Перспектива этой службы не пугала меня, как многих моих сверстников. Я испытывал в душе радость и гордость от того, что вот и я теперь смогу сказать о себе, что я солдат.

Обычная повестка в военкомат пришла в наш дом. Тогда ещё никто не знал, сколько горя и страданий принесёт эта маленькая бумажка моей семье. В нашем доме в моей комнате на стенах висело множество фотографий из различных журналов, на которых были зафиксированы счастливые лица солдат и офицеров Советской Армии, проходивших службу в Афганистане. Глядя на эти фотографии, я хотел служить именно там. О том, что война – это мясорубка жизней, я не имел никакого представления. Грязные стороны бойни в Афганистане никто нигде не описывал, поэтому народ не знал правды.

Правительство Советского Союза, боясь гнева народного, тщательно скрывало от народа всю информацию о войне в Афганистане. На призывном пункте никто не спрашивал меня, где и в каких войсках я хочу служить.

Система распределения призывников работала жёстко. Но Господь Бог стоял и стоит выше всех. И, по воле Всевышнего, я дол-

жен был получить и увидеть то, что я так хотел. Не скажу, что Господь плохо поступил со мной, Он дал мне шанс попробовать жить и выжить в условиях той войны, с каждым днём проходя всё новые и новые этапы телесных и душевных страданий. Тело и душа моя подверглись испытаниям огнём, водой, верой...

Меня с другими призывниками привезли в сержантскую «учёбку», в которой я обучался три месяца. Трудно назвать это обучением. Обучение сводилось к бесплатным строительным работам, но эти первые азы солдатской жизни очень мне пригодились в будущем.

Первое, с чем я столкнулся в процессе учёбы, — это с издевательствами сержантов, то есть с так называемыми внеуставными отношениями. Так как старослужащих солдат не было, то власть сержантов учебного подразделения была безграничной. Им негласно было позволено делать с курсантами всё, что угодно, кроме убийства. И они всласть пользовались своей властью. Офицеры смотрели на этот беспредел сквозь пальцы. Им даже было выгодно, чтобы курсантов унижали: легче управлять человеком, когда у него растоптано достоинство и он, как мышь замученная, не знает, куда бежать от страха перед своими мучителями.

Нас приучали к тому, что нет собственного «я», а есть слово «мы», так как каждый из нас — из безликого стада, а глава этого стада — офицер, кто есть для нас всемогущий «царь», кто может растоптать каждого из нас, как ничтожного червя.

Советская Армия учила повиноваться, знать политику КПСС, ходить строем и учиться на политзанятиях, не проходя боевой подготовки.

Государство считало, что боевая подготовка не нужна солдату, ведь боеприпасы стоят денег, а солдат не стоит ничего.

По телевизору показывали, что армия учится, но это было лишь для отвода глаз, «очковтирательство», как говорилось. Кровью солдатской заливали чужую землю, где приходилось воевать, но для генералов и государства это было не важно.

За три месяца учёбы курсантов только один раз вывезли на стрельбы, выдав каждому по десять патронов. На этом стрелковая подготовка закончилась, зато на политзанятия водили почти каждый день.

А ещё чаще (каждый день) водили нас на бесплатный рабский труд, за который никогда не платили. Строили мы гаражи и дачи,

работали на разгрузке железнодорожных вагонов с цементом, кирпичём, углем, строительными материалами, разгружали военное имущество, прибывающее на склады. Работали по десять часов.

Одна странность бросалась в глаза, и мы не могли понять, почему так. А было вот что. Когда шла ежедневная работа, то в тени близлежащих деревьев отдыхали армяне, азербайджанцы, грузины, чечены. Они не работали. Их не заставляли работать офицеры и сержанты; может, они их попросту боялись. Эти отдыхающие отказывались выполнять нашу дебильную работу, да ещё и бесплатно. Среди курсантов выходцев с Кавказа было мало: всего на учебную роту около десяти человек.

Зато всем остальным солдатам доставалось от сержантов и офицеров «на полную катушку». Как-то один солдат, устав носить на себе пятидесятикилограммовые мешки с цементом, сел на рельсы и закурил. Не прошло и минуты, как к нему подбежал старший лейтенант — замполит и, грубо матерясь, ударом сапога в живот погнал его продолжать таскать цемент.

Мы были поражены увиденным. Почему кавказцы не работают, а нам нельзя и минуты отдохнуть? А ответ был прост.

У славянских народов было растоптано чувство собственного достоинства. Им пришлось испытать рабское подчинение, полное скотское повиновение. Другими словами этого не назвать. А выходцы с Кавказа не позволяли над собой издеваться и рабами становиться не хотели. Кроме того, славяне были с пустыми карманами, а кавказцы недостатка в деньгах почти не испытывали. Всё это обеспечивало им привилегированное положение перед остальными. Сержанты их не только не трогали, но и грубым словом никогда не оскорбляли.

После отбоя в десять вечера начинался новый кошмар для нас. Сержанты выстраивали всю роту в казарме, и начиналось поливание холодной водой из ведра.

Потом, когда все полы, покрытые линолеумом, были залиты водой, следовала команда «Отбой!» Солдаты роты бежали к своим двухярусным кроватям, падая и растягиваясь на полу во весь рост. Мокрый линолеум создавал эффект вечного скольжения. Щедро политый водой, пол становился скользким под ногами, и солдаты вынуждены были совершать бег на месте, чтобы не упасть.

Когда все солдаты роты уже лежали в кроватях, через несколько секунд следовала команда «Подъём!» И всё начиналось сначала,

и так десятков раз, пока солдаты, еле передвигая ноги, уже не могли встать после падения на пол. Тогда в ход шли сержантские кирзовые сапоги.. И горе тому, кто всё-таки не мог встать вовремя после падения на мокрый пол: сержант вливал ему кружку воды в трусы.

С мокрыми трусами и все в поту, наконец-то мы получали команду «Отбой!» и уже окончательно, учащённо дыша, ложились спать. Десять человек после каждой такой экзекуции мыли полы дважды, а если сержантам не нравилось, то и трижды. Кавказцы же, лёжа на своих кроватях, смеялись над нами, для них это был бесплатный цирк

Длина казармы, как назло, была огромной. В шесть утра следовала команда «Подъём!» и рабский труд начинался снова, а во время отбоя – ночное унижение, битьё сапогами, руками и всем, что попадало сержантам под руку.

Офицеры знали о происходящем, но ничего не делали, чтобы это прекратить: им так легче было управлять солдатами, которых они считали «стадом», так как военным словом «подразделение» трудно им было назвать эту послушную группу людей.

Каждый из нас мысленно говорил себе: скорей бы закончилось это издевательство, скорей бы отправили куда-нибудь, а в редкие минуты перерывов мы делились друг с другом своими мыслями.

Среди сержантов выделялся один младший сержант, который отличался особым садизмом. Таких сволочей, как он, ещё поискать надо было. Ему доставляло особое удовольствие издеваться и бить круглосуточно. Причин для этого у него не существовало. Ночью после обычных экзекуций начинались его собственные. Когда остальные сержанты ложились спать, ему было не до сна. Он отбирал двух-трёх человек и начинал над ними издеваться. Пока несколько курсантов отжимались, он поочерёдно избивал отобранных им, всегда стараясь не затронуть лица: лицо было неприкосновенно для всех издевающихся, даже для него. Если бы на плацу или в столовой кто-нибудь из старших офицеров увидел бы синяки на лице у кого-либо из солдат, то начались бы «разборки», то-есть неприятности для младших офицеров, а неприятностей ленивые и пассивные офицеры не хотели. Поэтому внешне казалось, что в подразделении царили мир и спокойствие.

Три раза в день мы посещали столовую. Утром был завтрак. На завтрак давали манную или пшённую, или перловую кашу, чай с

одним кусочком сахара и кусочек хлеба с кусочком масла – граммов на двадцать. Может, по рациону положено было больше, но давали именно так. Несколько ложек каши, естественно, не удовлетворяли потребности восемнадцатилетних парней в еде, но о добавке не было и речи, её просто не давали. На обед была алюминиевая чашечка супа, в ней было граммов двести закрашенной томатом водички оранжевого цвета с небольшим количеством картошки. На второе мы получали перловую или пшённую кашу и чай без сахара. Конечно, тыловая служба нас обкрадывала. Но что мог сделать солдат, у которого не было никаких прав?

Обед длился десять минут. И вот кто-то сказал командиру батальона, что десять минут мало. Командир батальона вызвал командира роты и устроил ему «разнос» с большим количеством неприятных слов. На следующий день командир роты построил всех и сказал:

– Значит так. Раз десять минут вам мало, будете успевать есть за одну минуту. В столовую и из столовой будете передвигаться бегом.

После этого к обеду уже вся рота бежала в столовую. Когда солдаты построились около своих длинных столов, их ожидал сюрприз: на столе не было ни ложек, ни вилок. Командир роты объявил, что засекает время, за одну минуту все должны поесть, а кто хотя бы на лишнюю секунду задержится за столом, получит хороший пинок сапогом. Мы все по команде приступили к обеду. Второе пришлось пересыпать в первое и кусочком хлеба помогать проталкивать пищу в рот. Одной минуты вполне хватило, так как велик был страх перед побоями. Но всё же некоторые курсанты не успели в первый день отобедать за одну минуту и получили действительно хорошие пинки сапогами от офицеров и сержантов.

Один из сержантов вместе со всеми курсантами добегал до казармы, остальные сержанты оставались и ещё полчаса обедали. На них минута обеда не распространялась.

Мы теперь были обеспечены тридцатью минутами бега в столовую и обратно ежедневно. Больше никто из солдат не жаловался на короткий обед и на другие издевательства. Урок пошёл впрок.

Но вот и подошли к концу три месяца учёбы в сержантской учёбке. Всем курсантам присвоили звание «младший сержант». Поздно вечером нас всех построили, и прозвучала команда: «Желающие остаться в учебных подразделениях обучать молодых

солдат, стоять на месте, остальные – три шага вперёд!»

Остались стоять на месте человек двадцать – из тех, которые не хотели неопределённости в жизни, не хотели подвергать себя опасности. Остались все кавказцы, казахи, узбеки. Я этого не понимал. А, может быть, они были и правы в своём выборе, ведь кто-то из тех, кто вышел со мной из строя, в дальнейшем отдаст свою жизнь на никому ненужной войне.

Объявили по строю, что сейчас выдадут сухие пайки на три дня и через два часа подъедут машины.

Получив сухие пайки, курсанты разбежались по тёмным углам и каждый почти весь свой трёхдневный запас съел, так как никто не хотел думать о завтрашнем дне, все хотели есть.

И вот по прошествии двух часов прибыли зачехлённые тентом военные автомобили «КамаЗ». Погрузка прошла очень быстро. Уже в машинах офицеры объявили, что едем на военный аэродром. Пока нас везли, все спали. Через несколько часов, не доезжая до аэродрома, машины остановились, и всем было приказано выйти из машин.

Кругом простирался палаточный городок. Нас начали сортировать и распределять как овец. Между нами сновали офицеры со всего Союза и набирали в свои части тех, кто им был нужен. В нашу палатку вошли старший лейтенант и прапорщик. У старшего лейтенанта была стопка папок с бумагами, он сказал:

– Построиться всем на улице!

Мы построились возле палатки и ждали. Переложив из одной руки в другую папки с бумагами, старший лейтенант сказал:

– Спортсмены есть?

Я ответил:

– Я был спортсменом на гражданке.

– По какому виду спорта? – спросил он.

– Тяжёлая атлетика, – ответил я.

Последовала команда:

– Иди за мной.

Старший лейтенант пошёл быстрым шагом. Минут через пять мы подошли к большой палатке. Перед входом в палатку он крикнул:

– Виктор!

Из палатки вышел гвардии капитан воздушно-десантных войск.

– Ну, ты спрашивал, если спортсмены будут, тебе сказать, – обратился к нему старший лейтенант.

– А, – сказал капитан, – спасибо, а то я тут, ёлки-палки, по одному человеку собираю везде. Трудную задачу мне задали: набрать спортсменов, а где их столько взять?

– Ну, пошли, – показал он мне рукой на палатку и вошёл в неё.

В палатке находилось человек тридцать солдат. Рослые ребята были на вид вроде великанов, настолько они действительно были крепкие и сильные.

– Ну вот, – сказал гвардии капитан, – сиди и жди, а поступит команда, тогда и тронемся, путь у нас не близкий.

Ближе к вечеру послышался скрип тормозов, и ко входу в палатку подкатил «уазик». Капитан быстро подбежал к нему и, приставив руку к фуражке, начал докладывать.

– Не надо, – прервал его полковник, приехавший в машине. – Знаю, мало собрал. Ну ничего, другие следующим рейсом полетят. Сколько есть, столько и возмём с собой сегодня.

Они почти одновременно закурили, сделав глубокий вдох, и полковник сказал:

– Слушай, какая тишина-то вокруг. Птицы поют, воздух травой пахнет.

– Да, – ответил капитан. – Вот если живыми останемся, то посплюсь в этих местах.

– Ну её на хрен, армию, – сказал полковник, – мне здесь тоже нравится.

Они докурили, и полковник отошёл. На ходу он обернулся и крикнул:

– Объяви ребятам, что в двадцать два ноль-ноль вылетаем.

Нам привезли ужин: перловая каша с маленькими кусочками тушёнки. Я удивился тушёнке. Каша была очень вкусной, давно я такой не ел. Капитан поужинал вместе с нами, чему я удивился не меньше, увидев, как он набирает кашу из большого солдатского термоса. Капитан, заметив мой удивлённый взгляд, улыбаясь, сказал:

– Там, куда мы прилетим, офицеры едят вместе с солдатами и один порох нюхают.

Я не придавал большого значения его словам и подумал: ну, раз спортсменов собирают вместе, значит спорттрота по Союзу, всё-таки легче у них жить.

Но в той стране, куда мы направлялись, из спортсменов создавали специальные подразделения и бросали их на самые тяжёлые и ответственные места боевых действий. Всё-таки